

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Удивительный мир русского фольклора полон ярких образов и историй. Важное место в культурном наследии России занимают истории про сказочных и мифических существ, известных под собирательным названием нечистая сила.

Этими персонажами пугали своих детей наши предки, на их проделки списывали необъяснимые события в повседневной жизни и природные катаклизмы. Сказки, былички и предания о нечистой силе передавались из поколения в поколение и практически обрели бессмертие.

В «Большой книге нечистой силы» собраны самые яркие сказки, предания и былички о нечистой силе, собранные известными русскими историками и фольклористами в разных регионах России. Среди собирателей историй о нечистой силе были Александр Николаевич Афанасьев и Владимир Иванович Даль, некоторые из их наработок используются в этом издании.

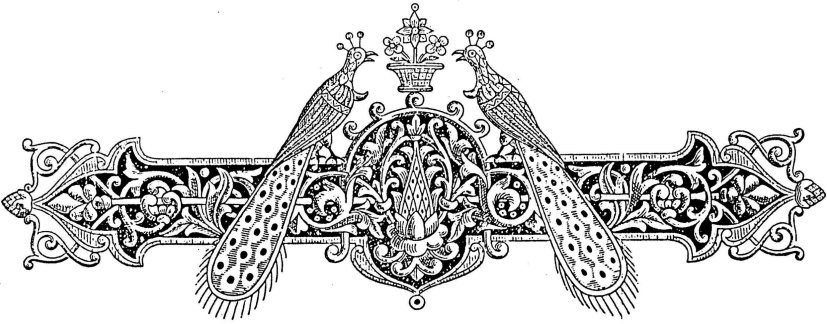

БАБА-ЯГА

Рисунок И.Я. Билибина

БАБА-ЯГА

Записано в Переславль-Залесском уезде Н. Бодровым

Жили-были муж с женой и прижили дочку; жена-то и помри. Мужик женился на другой и от этой прижил дочь. Вот жена и невзлюбила падчерицу; нет житья сироте. Думал, думал наш мужик и повез свою дочь в лес. Едет лесом — глядит: стоит избушка на курьих ножках. Вот и говорит мужик: «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, а ко мне передом». Избушка и поворотилась.

Идет мужик в избушку, а в ней Баба-яга: впереди голова, в одном углу нога, в другом — другая. «Русским духом пахнет!» — говорит яга. Мужик кланяется: «Баба-яга костяная нога! Я тебе дочку привез в услуженье». — «Ну, хорошо! Служи, служи мне, — говорит яга девушке, — я тебя за это награжу».

Отец простился и поехал домой. А Баба-яга задала девушке пряжи с короб, печку истопить, всего припасти, а сама ушла. Вот девушка хлопочет у печи, а сама горько плачет. Выбежали мышки и говорят ей: «Девица, девица, что ты плачешь? Дай кашки; мы тебе добренько скажем». Она дала им кашки. «А вот, — говорят, — ты на всякое веретёнце по ниточке напряди». Пришла Баба-яга: «Ну что, — говорит, — все ли ты припасла?» А у девушки все готово. «Ну, теперь поди — вымой меня в бане». Похвалила яга девушку и надавала ей разной сряды¹. Опять яга ушла и еще труднее задала

¹ *Сряда* — нарядное платье.

задачу. Девушка опять плачет. Выбегают мышки. «Что ты, — говорят, — девица красная, плачешь? Дай кашки; мы тебе добренько скажем». Она дала им кашки, а они опять научили ее, что и как сделать. Баба-яга опять, пришедши, ее похвалила и еще больше дала сряды... А мачеха посылает мужа проверить, жива ли его дочь?

Поехал мужик; приезжает и видит, что дочь богатая-пребогатая стала. Яги не было дома, он и взял ее с собой. Подъезжают они к своей деревне, а дома собачка так и рвется: «Хам, хам, хам! Барыню везут, барыню везут!» Мачеха выбежала да скалкой собачку. «Врешь, — говорит, — скажи: в коробе косточки гремят!» А собачка все свое. Приехали. Мачеха так и гонит мужа — и ее дочь туда же отвезти. Отвез мужик.

Вот Баба-яга задала ей работы, а сама ушла. Девка так и рвется с досады и плачет. Выбегают мыши. «Девица, девица! О чем ты, — говорят, — плачешь?» А она не дала им выговорить, то тоё скалкой, то другую; с ними и провозилась, а дела-то не приделала. Яга пришла, рассердилась. В другой раз опять то же; яга изломала ее, да косточки в короб и склала. Вот мать посылает мужа за дочерью. Приехал отец и повез одни косточки. Подъезжает к деревне, а собачка опять лает на крыльчке: «Хам, хам, хам! В коробе косточки везут!» Мачеха бежит со скалкой. «Врешь, — говорит, — скажи: барыню везут!» А собачка все свое: «Хам, хам, хам! В коробе косточки гремят!» Приехал муж; тут-то жена взвывала! Вот тебе сказка, а мне кринка масла.

СКАЗ ПРО БАБУ-ЯГУ

Записано в Бобровском уезде Воронежской губ.

Жили себе дед да баба; дед овдовел и женился на другой жене, а от первой жены осталась у него девочка. Злая мачеха ее не полюбила, била ее и думала, как бы вовсе извести. Раз отец уехал куда-то, мачеха и говорит девочке: «Поди

к своей тетке, моей сестре, попроси у нее иголочку и ниточку — тебе рубашку сшить». А тетка эта была Баба-яга костяная нога.

Вот девочка не была глупа, да зашла прежде к своей родной тетке. «Здравствуй, тетушка!» — «Здравствуй, родимая! Зачем пришла?» — «Матушка послала к своей сестре попросить иголочку и ниточку — мне рубашку сшить». Та ее и научает: «Там тебя, племянушка, будет березка в глаза стегать — ты ее ленточкой перевяжи; там тебе ворота будут скрипеть и хлопать — ты подлей им под пяточки маслица; там тебя собаки будут рвать — ты им хлеба брось; там тебе кот будет глаза драть — ты ему ветчины дай». Пошла девочка; вот идет, идет и пришла.

Стоит хатка, а в ней сидит Баба-яга костяная нога и ткет. «Здравствуй, тетушка!» — «Здравствуй, родимая!» — «Меня матушка послала попросить у тебя иголочку и ниточку — мне рубашку сшить». — «Хорошо; садись покуда ткать». Вот девочка села за кросна¹, а Баба-яга вышла и говорит своей работнице: «Ступай, истоши баню да вымой племянницу, да смотри, хорошенько; я хочу ею позавтракать». Девочка сидит ни жива ни мертва, вся перепуганная, и просит она работницу: «Родимая моя! Ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай, решетом воду носи», — и дала ей платочек.

Баба-яга дожидается; подошла она к окну и спрашивает: «Ткешь ли, племянушка, ткешь ли, милая?» — «Тку, тетушка, тку, милая!» Баба-яга и отошла, а девочка дала коту ветчинки и спрашивает: «Нельзя ли как-нибудь уйти отсюда?» — «Вот тебе гребешок и полотенце, — говорит кот, — возьми их и убежи; за тобою будет гнаться Баба-яга, ты приклони ухо к земле и как слышишь, что она близко, брось сперва полотенце — сделается широкая-широкая река; если ж Баба-яга перейдет через реку и станет догонять тебя, ты опять приклони ухо к земле и как услышишь, что она близко, брось гребешок — сделается дремучий-дремучий лес; сквозь него она уже не проберется!»

---

¹ *Кросна* — стан для тканья.

Девочка взяла полотенце и гребешок и побежала; собаки хотели ее рвать — она бросила им хлебца, и они ее пропустили; ворота хотели захлопнуться — она подлила им под пяточки маслица, и они ее пропустили; березка хотела ей глаза выстегать — она ее ленточкой перевязала, и та ее пропустила. А кот сел за кросна и ткет: не столько наткал, сколько напутал. Баба-яга подошла к окну и спрашивает: «Ткешь ли, племянушка, ткешь ли, милая?» — «Тку, тетка, тку, милая!» — отвечает грубо кот.

Баба-яга бросилась в хатку, увидела, что девочка ушла, и давай бить кота и ругать, зачем не выцарапал девочке глаза. «Я тебе сколько служу, — говорит кот, — ты мне косточки не дала, а она мне ветчинки дала». Баба-яга накинулась на собак, на ворота, на березку и на работницу, давай всех ругать и колотить. Собаки говорят ей: «Мы тебе сколько служим, ты нам горелой корочки не бросила, а она нам хлебца дала». Ворота говорят: «Мы тебе сколько служим, ты нам водицы под пяточки не подлила, а она нам маслица подлила». Березка говорит: «Я тебе сколько служу, ты меня ниточкой не перевязала, она меня ленточкой перевязала». Работница говорит: «Я тебе сколько служу, ты мне тряпочки не подарила, а она мне платочек подарила».

Баба-яга костяная нога поскорей села на ступу, толкачом погоняет, помелом след заметает и пустилась в погоню за девочкой. Вот девочка приклонила ухо к земле и слышит, что Баба-яга гонится и уж близко, взяла да и бросила полотенце: сделалась река такая широкая-широкая! Баба-яга приехала к реке и от злости зубами заскрипела; воротилась домой, взяла своих быков и пригнала к реке; быки выпили всю реку дочиستا. Баба-яга пустилась опять в погоню. Девочка приклонила ухо к земле и слышит, что Баба-яга близко, бросила гребешок: сделался лес такой дремучий да страшный! Баба-яга стала его грызть, но сколь ни старалась — не могла прогрызть и воротилась назад.

А дед уже приехал домой и спрашивает: «Где же моя дочка?» — «Она пошла к тетушке», — говорит мачеха. Немного погодя и девочка прибежала домой. «Где ты была?» — спра-

шивает отец. «Ах, батюшка! — говорит она. — Так и так — меня матушка послала к тетке попросить иголку с ниточкой — мне рубашку сшить, а тетка, Баба-яга, меня съесть хотела». — «Как же ты ушла, дочка?» Так и так — рассказывает девочка. Дед как узнал все это, рассердился на жену и расстрелил ее; а сам с дочкою стал жить да поживать да добра наживать, и я там был, мед-пиво пил: по усам текло, в рот не попало.

ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ

Место записи неизвестно

В некотором царстве жил-был купец. Двенадцать лет жил он в супружестве и прижил только одну дочь, Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, девочке было восемь лет. Умирая, купчиха призвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу, отдала ей и сказала: «Слушай, Василисушка! Помни и исполни последние мои слова. Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу; береги ее всегда при себе и никому не показывай; а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у нее совета. Покупает она и скажет тебе, чем помочь несчастью». Затем мать поцеловала дочку и померла.

После смерти жены купец потужил, как следовало, а потом стал думать, как бы опять жениться. Он был человек хороший; за невестами дело не стало, но больше всех по нраву пришлось ему одна вдовушка. Она была уже в летах, имела своих двух дочерей, почти однолеток Василисе, — стало быть, и хозяйка и мать опытная. Купец женился на вдовушке, но обманулся и не нашел в ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на все село красавица; мачеха и сестры завидовали ее красоте, мучили ее всевозможными работами, чтоб она от трудов похудела, а от ветру и солнца почернела; совсем житья не было!

Василиса все переносила безропотно и с каждым днем все хорошела и полнела, а между тем мачеха с дочками своими худела и дурнела от злости, несмотря на то что они всегда сидели сложа руки, как барыни. Как же это так делалось? Василисе помогала ее куколка. Без этого где бы девочке сладить со всею работою! Зато Василиса сама бывало не съест, а уж куколке оставит самый лакомый кусочек, и вечером, как все улягутся, она запрется в чуланчике, где жила, и потчевает ее, приговаривая: «На, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я в доме у батюшки, не вижу себе никакой радости; злая мачеха гонит меня с белого света. Научи ты меня, как мне быть и жить и что делать?» Куколка покушает, да потом и дает ей советы и утешает в горе, а наутро всякую работу справляет за Василису; та только отдыхает в холодочке да рвет цветочки, а у нее уж и гряды выполоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь вытоплена. Куколка еще укажет Василисе и травку от загару. Хорошо было жить ей с куколкой.

Прошло несколько лет; Василиса выросла и стала невестой. Все женихи в городе присватываются к Василисе; на мачехиных дочерей никто и не посмотрит. Мачеха злится пуще прежнего и всем женихам отвечает: «Не выдам меньшей прежде старших!» — а проводя женихов, побоями вымещает зло на Василисе.

Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам. Мачеха и перешла на житье в другой дом, а возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила Баба-яга: никого она к себе не подпускала и ела людей, как цыплят. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дело посылала за чем-нибудь в лес ненавистную ей Василису, но эта завсегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала к избушке Бабы-яги.

Пришла осень. Мачеха раздала всем трем девушкам вечерние работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть, и всем по урокам. Погасила огонь во всем доме, оставила одну свечку там, где работали девушки, и сама легла спать. Девушки работали. Вот нагорело на свеч-

ке, одна из мачехиных дочерей взяла щипцы, чтоб поправить светильню, да вместо того, по приказу матери, как будто нечаянно и потушила свечку. «Что теперь нам делать? — говорили девушки. — Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбегать за огнем к Бабе-яге!» — «Мне от булавок светло! — сказала та, что плела кружево. — Я не пойду». — «И я не пойду, — сказала та, что вязала чулок. — Мне от спиц светло!» — «Тебе за огнем идти! — закричали обе. — Ступай к Бабе-яге!» — и вытолкали Василису из горницы.

Василиса пошла в свой чуланчик, поставила перед куклою приготовленный ужин и сказала: «На, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылают за огнем к Бабе-яге; Баба-яга съест меня!» Куколка поела, и глаза ее заблестели, как две свечки. «Не бойся, Василисушка! — сказала она. — Ступай, куда посылают, только меня держи всегда при себе. При мне ничего не станется с тобой у Бабы-яги». Василиса собралась, положила куколку свою в карман и, перекрестившись, пошла в дремучий лес.

Идет она и дрожит. Вдруг скачет мимо ее всадник: сам белый, одет в белом, конь под ним белый, и сбруя на коне белая, — на дворе стало рассветать.

Идет она дальше, как скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне, — стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избашка Бабы-яги; забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские, с глазами; вместо верей у ворот — ноги человечьи, вместо запоров — руки, вместо замка — рот с острыми зубами. Василиса обомлела от ужаса и стала как вкопанная. Вдруг едет опять всадник: сам черный, одет во всем черном и на черном коне; подскочил к воротам Бабы-яги и исчез, как сквозь землю провалился, — настала ночь. Но темнота продолжалась недолго: у всех черепов на заборе засветились глаза, и на всей поляне стало светло, как среди дня. Василиса дрожала со страху, но, не зная куда бежать, оставалась на месте.

Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели; выехала из лесу Баба-яга — в ступе едет,

пестом погоняет, помелом след замечает. Подъехала к воротам, остановилась и, обнюхав вокруг себя, закричала: «Фу-фу! Русским духом пахнет! Кто здесь?» Василиса подошла к старухе со страхом и, низко поклонясь, сказала: «Это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня за огнем к тебе». — «Хорошо, — сказала Баба-яга, — знаю я их, поживи ты наперед да поработай у меня, тогда и дам тебе огня; а коли нет, так я тебя съем!» Потом обратилась к воротам и вскрикнула: «Эй, запоры мои крепкие, отомкнитесь; ворота мои широкие, отворитесь!» Ворота отворились, и Баба-яга въехала, посвистывая, за нею вошла Василиса, а потом опять все заперлось. Войдя в горницу, Баба-яга растянулась и говорит Василисе: «Подавай-ка сюда, что там есть в печи: я есть хочу».

Василиса зажгла лучину от тех черепов, что на заборе, и начала таскать из печки да подавать яге кушанье, а кушанья настряпано было человек на десять; из погреба принесла она квасу, меду, пива и вина. Все съела, все выпила старуха; Василисе оставила только щец немножко, краюшку хлеба да кусочек поросятины. Стала Баба-яга спать ложиться и говорит: «Когда завтра я уеду, ты смотри — двор вычисти, избу вымети, обед состряпай, белье приготовь, да пойди в закром, возьми четверть пшеницы и очисти ее от чернушки¹. Да чтоб все было сделано, а не то — съем тебя!» После такого наказания Баба-яга захрапела; а Василиса поставила старухины объедки перед куклою, залилась слезами и говорила: «На, куколка, покушай, моего горя послушай! Тяжелую дала мне Баба-яга работу и грозитя съесть меня, коли всего не исполню; помоги мне!» Кукла ответила: «Не бойся, Василиса Прекрасная! Поужинай, помолися да спать ложися; утро вечера мудреней!»

Ранешенько проснулась Василиса, а Баба-яга уже встала, выглянула в окно: у черепов глаза потухают; вот мелькнул белый всадник — и совсем рассвело. Баба-яга вышла на двор, свистнула — перед ней явилась ступа с пестом и помелом. Промелькнул красный всадник — взошло солнце. Баба-яга села в ступу и выехала со двора, пестом погоняет, помелом

---

¹ *Чернуха* — ягель, род полевого дикого гороха.

след замечает. Осталась Василиса одна, осмотрела дом Бабы-яги, подивилась изобилию во всем и остановилась в раздумье: за какую работу ей прежде всего приняться. Глядит, а вся работа уже сделана; куколка выбирала из пшеницы последние зерна чернушки. «Ах, ты, избавительница моя! — сказала Василиса куколке. — Ты от беды меня спасла». — «Тебе осталось только обед состряпать, — отвечала куколка, влезая в карман Василисы. — Состряпай с богом, да и отдыхай на здоровье!»

К вечеру Василиса собрала на стол и ждет Бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнул за воротами черный всадник — и совсем стемнело; только светились глаза у черепов. Затрещали деревья, захрустели листья — едет Баба-яга. Василиса встретила ее. «Все ли сделано?» — спрашивает яга. «Изволь посмотреть сама, бабушка!» — молвила Василиса. Баба-яга все осмотрела, подосадовала, что не за что рассердиться, и сказала: «Ну, хорошо!» Потом крикнула: «Верные мои слуги, сердечные друзья, смелите мою пшеницу!» Явились три пары рук, схватили пшеницу и унесли вон из глаз. Баба-яга наелась, стала ложиться спать и опять дала приказ Василисе: «Завтра сделай ты тоже, что и нынче, да сверх того возьми из закрома мак да очисти его от земли по зернышку, вишь, кто-то по злобе земли в него намешал!» Сказала старуха, повернулась к стене и захрапела, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поела и сказала ей по-вчерашнему: «Молись богу да ложись спать; утро вечера мудренее, все будет сделано, Василисушка!»

Наутро Баба-яга опять уехала в ступе со двора, а Василиса с куколкой всю работу тотчас исправили. Старуха воротилась, оглядела все и крикнула: «Верные мои слуги, сердечные друзья, выжмите из маку масло!» Явились три пары рук, схватили мак и унесли из глаз. Баба-яга села обедать; она ест, а Василиса стоит молча. «Что ж ты ничего не говоришь со мною? — спросила Баба-яга. — Стоишь как немая!» — «Не смела, — отвечала Василиса, — а если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой о чем». — «Спрашивай; только не всякий вопрос к добру ведет: много будешь знать, скоро состареешься!» — «Я

хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде: кто он такой?» — «Это день мой ясный», — отвечала Баба-яга. «Потом обогнал меня другой всадник на красном коне, сам красный и весь в красном одет; это кто такой?» — «Это мое солнышко красное!» — отвечала Баба-яга. «А что значит черный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?» — «Это ночь моя темная — всё мои слуги верные!»

Василиса вспомнила о трех парах рук и молчала. «Что ж ты еще не спрашиваешь?» — молвила Баба-яга. «Будет с меня и этого; сама ж ты, бабушка, сказала, что много узнаешь — состареешься». — «Хорошо, — сказала Баба-яга, — что ты спрашиваешь только о том, что видела за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем! Теперь я тебя спрошу: как успеваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебе?» — «Мне помогает благословение моей матери», — отвечала Василиса. «Так вот что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных». Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота, сняла с забора один череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей и сказала: «Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его; они ведь за этим тебя сюда и прислали».

Бегом пустилась домой Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра, и наконец к вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя к воротам, она хотела было бросить череп. «Верно, дома, — думает себе, — уж больше в огне не нуждаются». Но вдруг послышался глухой голос из черепа: «Не бросай меня, носи к мачехе!»

Она взглянула на дом мачехи и, не видя ни в одном окне огонька, решила идти туда с черепом. Впервые встретили ее ласково и рассказали, что с той поры, как она ушла, у них не было в доме огня: сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от соседей — тот погасал, как только входили с ним в горницу. «Авось твой огонь будет держаться!» — сказала мачеха. Внесли череп в горницу; а глаза из черепа так

и глядят на мачеху и ее дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся — глаза всюду за ними так и следят; к утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло.

Поутру Василиса зарыла череп в землю, заперла дом на замок, пошла в город и попросилась на житье к одной безродной старушке; живет себе и поджидает отца. Вот как-то говорит она старушке: «Скучно мне сидеть без дела, бабушка! Сходи, купи мне льну самого лучшего; я хоть прясть буду». Старушка купила льну хорошего; Василиса села за дело, работа так и горит у нее, и пряжа выходит ровная да тонкая, как волосок. Набралось пряжи много; пора бы и за тканье приниматься, да таких бёрд не найдут, чтобы годились на Василисину пряжу; никто не берется и сделать-то. Василиса стала просить свою куколку, та и говорит: «Принеси-ка мне какое-нибудь старое бёрдо, да старый челнок, да лошадиной гривы; я все тебе смастерю».

Василиса добыла все, что надо, и легла спать, а кукла за ночь приготовила славный стан. К концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вместо нитки продеть можно. Весною полотно выбелили, и Василиса говорит старухе: «Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себе». Старуха взглянула на товар и ахнула: «Нет, дитятко! Такого полотна, кроме царя, носить некому; понесу во дворец».

Пошла старуха к царским палатам да все мимо окон похаживает. Царь увидал и спросил: «Что тебе, старушка, надобно?» — «Ваше царское величество, — отвечает старуха, — я принесла диковинный товар; никому, кроме тебя, показать не хочу». Царь приказал впустить к себе старуху и как увидел полотно — вздивовался. «Что хочешь за него?» — спросил царь. «Ему цены нет, царь-батюшка! Я тебе в дар его принесла». Поблагодарил царь и отпустил старуху с подарками.

Стали царю из того полотна сорочки шить; вскрыли, да нигде не могли найти швеи, которая взялась бы их работать. Долго искали; наконец царь позвал старуху и сказал: «Умела ты напрядь и соткать такое полотно, умей из него и сорочки сшить». — «Не я, государь, пряла и соткала полотно, — сказала старуха, — это работа приемыша моего — девушки». — «Ну, так пусть и сошьет она!» Воротилась старушка домой и расска-

зала обо всем Василисе. «Я знала, — говорит ей Василиса, — что эта работа моих рук не минует». Заперлась в свою горницу, принялась за работу; шила она не покладываячи рук, и скоро дюжина сорочек была готова.

Старуха понесла к царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, оделась и села под окном. Сидит себе и ждет, что будет. Видит: на двор к старухе идет царский слуга; вошел в горницу и говорит: «Царь-государь хочет видеть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить ее из своих царских рук». Пошла Василиса и явилась пред очи царские. Как увидел царь Василису Прекрасную, так и влюбился в нее без памяти. «Нет, — говорит он, — красавица моя! Не расстанусь я с тобою; ты будешь моей женою». Тут взял царь Василису за белые руки, посадил ее подле себя, а там и свадьбу сыграли. Скоро воротился и отец Василисы, порадовался об ее судьбе и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла к себе, а куколку по конец жизни своей всегда носила в кармане.

БАБА-ЯГА И ЗАМОРЫШЕК

Место записи неизвестно

Жили-были старик да старуха; детей у них не было. Уж чего они ни делали, как ни молились богу, а старуха все не рожала. Раз пошел старик в лес за грибами; попадаетеся ему дорогою старый дед. «Я знаю, — говорит, — что у тебя на мыслях; ты все об детях думаешь. Поди-ка по деревне, собери с каждого двора по яичку и посади на те яйца клушку¹; что будет, сам увидишь!» Старик воротился в деревню; в ихней деревне был сорок один двор; вот он обошел все дворы, собрал с каждого по яичку и посадил клушку на сорок одно яйцо. Прошло две недели, смотрит старик, смотрит и старуха — а из тех яичек народились мальчики; сорок крепких, здоровеньких,

---

¹ Наседку.